

Соловьев Владимир Сергеевич

Судьба Пушкина

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В57

В57 **Владимир Сергеевич С.**
Судьба Пушкина / Соловьев Владимир Сергеевич – М.: Книга по Требованию,
2022. – 42 с.

ISBN 978-5-519-74656-4

ISBN 978-5-519-74656-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

внутренними задерживающими дѣятелями, разумомъ и волей, то опредѣляющая наше существованіе сила, которую мы называемъ судьбою, хотя и независима отъ насъ по существу, однако можетъ дѣйствовать въ нашей жизни только черезъ насъ, только подъ условіемъ того или иного отношенія къ ней со стороны нашего сознанія и воли. Въ составѣ той *необходимости*, которою управляются наши жизненные происшествія, *необходимо* заключается и наше собственное личное отношеніе къ этой необходимости; а это отношеніе, въ свою очередь, необходимо связано съ тѣмъ, *какъ* мы понимаемъ господствующую въ нашей жизни силу, такъ что *понятіе наше* о судьбѣ есть также одно изъ условій *ея дѣйствія* чрезъ насъ. Вотъ почему имѣть *вѣрное* понятіе о судьбѣ важнѣе для насъ, нежели знать химическій составъ воды или физическіе законы тепла и свѣта.

Столь важное для всѣхъ людей истинное понятіе судьбы издревле дано и всѣмъ доступно. Но при особомъ развитіи если не ума, то умственныхъ *требований*, какимъ нынѣшнее время отличается отъ прежнихъ эпохъ, самыя вѣрныя понятія никѣмъ не принимаются на вѣру; они должны вывести свою достовѣрность посредствомъ разсужденій изъ данныхъ опыта.

Для полного и методическаго оправданія того вѣрнаго понятія о судьбѣ, которое мы находимъ въ универсальной вѣрѣ человечества, потребовалась бы цѣлая метафизическая система, подтвержденная сложными историческими и соціологическими изслѣдованіями. Въ настоящемъ краткомъ очеркѣ я хотѣлъ только ослабить нѣкоторыя ложныя ходячія мнѣнія объ этомъ важномъ предметѣ и съ помощью одного яркаго и

особенно для насъ, русскихъ, близкаго историческаго примѣра намекнуть на истинный характеръ того, что называется судьбою.

II.

Въ житейскихъ разговорахъ и въ текущей литературѣ слово *судьба* сопровождается обыкновенно эпитетами болѣе или менѣе порицательными: «враждебная» судьба, «слѣпая», «безпощадная», «жестокая» и т. д. Менѣе рѣзко, но все-таки съ нѣкоторымъ неодобреніемъ говорятъ о «насмѣшкахъ» и объ «ироніи» судьбы. Всѣ эти выраженія предполагаютъ, что наша жизнь зависитъ отъ какой-то силы, иногда равнодушной или безразличной, а иногда и прямо непріязненной и злобной. Въ первомъ случаѣ понятіе судьбы сливается съ ходячимъ понятіемъ о *природѣ*, для которой равнодушіе служитъ обычнымъ эпитетомъ:

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть
И *равнодушия* природа
Красою вѣчною сіять.

Когда въ понятіи судьбы подчеркивается это свойство,—равнодушіе, то подъ судьбою разумѣется собственно не болѣе, какъ законъ физическаго міра.

Во второмъ случаѣ,—когда говорится о судьбѣ какъ враждебной силѣ,—понятіе судьбы сближается съ понятіемъ демоническаго, адскаго начала въ мірѣ, представляется ли оно въ видѣ злого духа религіозныхъ системъ, или въ видѣ безумной міровой воли, какъ у Шопенгауэра.

Конечно, есть въ дѣйствительности и то, и другое; есть и законъ равнодушной природы, есть и злое,

сатаническое начало въ мірозданіи, и намъ приходится имѣть дѣло и съ тѣмъ, и съ другимъ. Но отъ этихъ ли силъ мы зависимъ *окончательно*, онѣ ли опредѣляютъ общій ходъ нашей жизни и рѣшаютъ ея исходъ,—онѣ ли образуютъ нашу судьбу?

Сила, господствующая въ жизни лицъ и управляющая ходомъ событій, конечно, дѣйствуетъ съ равною необходимостью вездѣ и всегда; всѣ мы одинаково подчинены судьбѣ. Но есть люди и событія, на которыхъ дѣйствіе судьбы особенно явно и *ощутительно*; ихъ прямо и называютъ *роковыми*, или фатальными, и, конечно, на нихъ намъ всего легче рассмотреть настоящую сущность этой превосмогающей силы.

Хотя *вообще* мнѣ давно было ясно, что рѣшающая роль въ нашемъ существованіи не принадлежитъ ни «равнодушной природѣ», ни духовной силѣ зла, хотя я былъ твердо убѣжденъ въ истинности *третьяго* взгляда, но примѣнить его къ нѣкоторымъ особымъ роковымъ событіямъ я долго не умѣлъ. Я былъ увѣренъ, что и онѣ непременно какъ-нибудь объясняются съ истинной точки зрѣнія, но я *не видѣлъ* этого объясненія, и не могъ примириться въ душѣ съ непонятными фактами. Въ нихъ ощущалась какая-то смертельная обида, какъ будто прямое дѣйствіе какой-то враждебной, злобной и злорадной силы.

Острѣе всего такое впечатлѣніе производила смерть Пушкина. Я не помню времени, когда бы культъ его поэзіи былъ мнѣ чуждымъ. Не умѣя читать, я уже много зналъ изъ него наизусть, и съ годами этотъ культъ только возрасталъ. Немудрено поэтому, что роковая смерть Пушкина въ расцвѣтѣ его творческихъ силъ казалась мнѣ вопіющею неправдою, нестерпимою

обидою, и что дѣйствовавшій здѣсь рокъ не вязался съ представленіемъ о доброй силѣ.

Между тѣмъ, постоянно возвращаясь мыслью къ этому мучительному предмету, останавливаясь на давно извѣстныхъ фактахъ и узнавая новыя подробности, благодаря обнародованнымъ послѣ 1880 и особенно послѣ 1887 года документамъ, я долженъ былъ, наконецъ, прійти къ печальному утѣшенію:

Жизнь его не врагъ отъялъ, —
Онъ *своею* силой палъ,
Жертва гибельнаго гнѣва, —

‘своею силой или, лучше сказать, своимъ *отказомъ* отъ той нравственной силы, которая была ему доступна и пользованіе которою было ему всячески облегчено.

Ни эстетическій культъ Пушкинской поэзіи, ни сердечное восхищеніе лучшими чертами въ образѣ самого поэта не уменьшаются отъ того, что мы признаемъ ту истину, что онъ сообразно своей собственной волѣ окончилъ свое земное поприще. Вѣдь противоположный взглядъ, помимо своей исторической неосновательности, былъ бы унизителенъ для самого Пушкина. Развѣ не унизительно для великаго генія быть пустою игрушкой чуждыхъ внѣшнихъ воздѣйствій, и притомъ идущихъ отъ такихъ людей, для которыхъ у самого этого генія и у его поклонниковъ не находится достаточно презрительныхъ выраженій.

Главная ошибка здѣсь въ томъ, что геній принимается только за какое-то чудо природы и забывается, что дѣло идетъ о геніальномъ *человѣкѣ*. Онъ по природѣ своей выше обыкновенныхъ людей,—это безспорно,—но вѣдь и обыкновенные люди также по природѣ выше многихъ другихъ существъ, напримѣръ животныхъ, и если эта *сравнительная* высота обяза-

ваетъ всякаго обыкновеннаго человѣка соблюдать свое человѣческое достоинство и тѣмъ оправдывать свое природное преимущество передъ животными, то высшій даръ генія *тѣмъ болѣе* обязываетъ къ охраненію этого высшаго, если хотите, сверхчеловѣческаго, достоинства. Но не настаивая слишкомъ на этой градации, которая осложняется обстоятельствами другого рода, во всякомъ случаѣ должно сказать, что геніальный человѣкъ обязанъ по крайней мѣрѣ къ сохраненію извѣстной, хотя бы наименьшей, минимальной степени нравственнаго человѣческаго достоинства, подобно тому, какъ отъ самаго обыкновеннаго человѣка мы требуемъ по крайней мѣрѣ тѣхъ добродѣтелей, къ которымъ способны и животныя, какъ, напримеръ, родительская любовь, благодарность, вѣрность.

Утверждать, что геніальность совсѣмъ ни къ чему не обязываетъ, что генію все позволено, что онъ можетъ безъ вреда для своего высшаго призванія всю жизнь оставаться въ болотѣ низменныхъ страстей, это—грубое идолопоклонство, фетишизмъ, который ничего не объясняетъ и самъ объясняется лишь духовною немощью своихъ проповѣдниковъ. Нѣтъ! если геній есть благородство по преимуществу, или высшая степень благородства, то онъ по преимуществу и въ высшей степени обязываетъ. *Noblesse oblige*. Съ точки зрѣнія этой нравственной аксіомы взглянемъ на жизнь и судьбу Пушкина.

III.

Менѣ всего желалъ бы я, чтобы этотъ мой взглядъ былъ понятъ въ смыслѣ прописной морали, обвиняющей поэта за его нравственную распушен-

ность и готовой утверждать, что онъ погибъ въ наказаніе за звыи грѣхи противъ «добродѣтели» въ тѣсномъ значеніи этого слова.

+ Сильная чувственность есть матеріаль генія. Какъ механическое движеніе переходитъ въ теплоту, а теплота—въ свѣтъ, такъ духовная энергія творчества въ своемъ дѣйствительномъ явленіи (въ порядкѣ времени, или процесса) есть *превращеніе* низшихъ энергій чувственной души. И какъ для произведенія *сильнаго* свѣта необходимо сильное развитіе теплоты, такъ и высокая степень духовнаго творчества (по закону *здѣшней, земной жизни*) предполагаетъ сильное развитіе чувственныхъ страстей. Высшее проявленіе генія требуетъ не всегдашняго безстрастія, а окончательнаго *преодоленія* могучей страстности, торжества надъ нею въ рѣшительные моменты.

Естественныя условія для такого торжества были у Пушкина. Съ необузданною чувственною натурой у него соединялся ясный и прямой умъ. Пушкинъ вовсе не былъ мыслителемъ въ области умозрѣнія, какъ не былъ и практическимъ мудрецомъ; но здравымъ пониманіемъ насущныхъ нравственныхъ истинъ, смысломъ правды онъ обладалъ въ высокой степени. Умъ его былъ уравновѣшенный, чуждый всякихъ болѣзненныхъ уклоненій. Среди самой пламенной страсти онъ могъ сохранять ясность и отчетливость сознанія, и если его можно въ чемъ упрекнуть съ этой стороны, то развѣ только въ излишней трезвости и прямолинейности взгляда, въ отсутствіи всякаго пракческаго, или житейскаго *идеализма*. Вся высшая идейная энергія исчерпывалась у него поэтическими образами и звуками, *геніальнымъ перерожденіемъ жизни въ поэзію*, а для самой текущей жизни, для житейской

практики, оставалась только проза, здравый смысл и остроуміе съ веселымъ смѣхомъ.

Такое раздвоеніе между поэзіей, т.-е. жизнью, творчески просвѣтленною, и жизнью дѣйствительною или практическою, иногда бываетъ поразительно у Пушкина. Люди, незнакомые прежде съ біографическими подробностями о немъ, нашли, конечно, много неожиданнаго въ новѣйшихъ изданіяхъ его переписки.

Одно изъ лучшихъ и самыхъ популярныхъ стихотвореній нашего поэта говоритъ о женщинѣ, которая въ «чудное мгновеніе» перваго знакомства поразила его «какъ мимолетное видѣнье, какъ геній чистой красоты»; затѣмъ, время разлуки съ нею было для него томительнымъ рядомъ пустыхъ и темныхъ дней, и лишь съ новымъ свиданіемъ воскресли для души «и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слезы, и любовь». Давно было извѣстно лицо, къ которому относилось это стихотвореніе, и читатель Пушкина имѣлъ прежде полное основаніе представлять себѣ, если не эту даму, то, во всякомъ случаѣ, отношеніе къ ней поэта, въ самомъ возвышенномъ, идеальномъ освѣщеніи. Но теперь, послѣ появленія въ печати нѣкоторыхъ писемъ о ней, оказывается, что ея образъ въ стихотвореніи «Я помню чудное мгновенье» есть даже не то, что въ Гегельянской эстетикѣ называется *Schein der Idee*, а скорѣе подходитъ къ тому, что на юридическомъ языкѣ обозначается какъ «сообщеніе завѣдомо невѣрныхъ свѣдѣній». Въ одномъ интимномъ письмѣ, писанномъ приблизительно въ то же время, какъ и стихотвореніе, Пушкинъ откровенно говоритъ объ этой самой дамѣ, но тутъ уже вмѣсто генія чистой красоты, пробуждающаго душу и воскрешаю-

шаго въ ней божество, является «наша вавилонская блудница, Анна Петровна».

Спѣшу предупредить возможное недоразумѣніе. Никому нѣтъ дѣла до того, какова была въ дѣйствительности дама, прославленная Пушкинымъ. Хотя я совершенно увѣренъ, что онъ сильно преувеличивалъ и что апокалиптическій образъ нисколько не характеристиченъ для этой доброй женщины, но дѣло не въ этомъ. Еслибы оказалось, что дѣйствительное чудовище безнравственности было искренне принято какимъ-нибудь поэтомъ за генія чистой красоты и воспѣто въ такомъ смыслѣ, то отъ этого поэтическое произведеніе ничего не потеряло бы не только съ точки зрѣнія поэзіи, но и съ точки зрѣнія личнаго и жизненнаго достоинства самого поэта. Ошибка въ фальшь не ставится. Но въ настоящемъ случаѣ нельзя не видѣть именно нѣкоторой фальши, хотя, конечно, не въ грубомъ смыслѣ этого слова. Представляя обыкновенную женщину какъ высшее неземное существо, Пушкинъ сейчасъ самъ ясно замѣчалъ и рѣзко высказывалъ, что это неправда, и даже преувеличивалъ свою неправду. Знакомая поэта, конечно, не была ни геніемъ чистой красоты, ни вавилонскою блудницею, а была «просто пріятною дамою» или даже, можетъ быть, «дамою пріятною во всѣхъ отношеніяхъ». Но замѣчательно, что въ преувеличенномъ ея порицаніи у Пушкина не слышится никакой горечи разочарованія, которая говорила бы за жизненную искренность и цѣльность предыдущаго увлеченія,—откровенный отзывъ высказанъ въ тонѣ веселаго балагурства, въ полномъ контрастѣ съ тономъ стихотворенія.

Болѣе похоже на дѣйствительность другое стихо-

твореніе Пушкина, обращенное къ тому же лицу, но и оно находится въ противорѣчій съ тономъ и выраженіями его писемъ.

Когда твои младыя лѣта
Позорить шумная молва,
И ты, по приговору свѣта
На честь утратила права,

Одинъ среди толпы холодной,
Твои страданья я дѣлю
И за тебя мольбой безплодной
Кумиръ безчувственный молю.

Но свѣтъ... Жестокихъ осужденій
Не измѣняетъ онъ своихъ;
Онъ не караетъ заблужденій,
Но тайны требуетъ для нихъ.

Достойны равнаго презрѣнья
Его тщеславная любовь
И лицемерныя гоненья —
Къ забвенью сердце приготовь;
Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящій душный кругъ,
Оставь безумныя забавы:
Тебѣ одинъ остался другъ.

Нельзя въ самомъ дѣлѣ не пожалѣть о глубокомъ несчастіи этой женщины: у нея остался только одинъ другъ и заступникъ отъ «жестокихъ осужденій», — да и тотъ называлъ ее вавилонскою блудницей! Какъ же были осужденія!

IV.

Если не признавать вдохновенія, какъ самостоятельнаго источника поэзіи, то, сопоставляя стихотвореніе «Я помню чудное мгновенье» съ прозаическимъ отзывомъ Пушкина, можно сдѣлать только одно за-

ключеніе, что стихи просто выдуманы, что ихъ авторъ никогда не видѣлъ того образа и никогда не испытывалъ тѣхъ чувствъ, которыя тамъ выражены. Но, отрицая поэтическое вдохновеніе, лучше вовсе не говорить о поэтахъ. А для признающихъ вдохновеніе и чувствующихъ его силу въ этомъ произведеніи должно быть ясно, что въ *минуту творчества* Пушкинъ дѣйствительно испыталъ то, что сказалось въ этихъ стихахъ; дѣйствительно видѣлъ генія чистой красоты, дѣйствительно чувствовалъ возрожденіе въ себѣ божества. Но эта идеальная дѣйствительность существовала для него только въ минуту творчества. Возвращаясь къ жизни, онъ сейчасъ же переставалъ вѣрить въ пережитое озареніе, сейчасъ же признавалъ въ немъ только обманъ воображенія—«насъ возвышающій обманъ», но все-таки обманъ и ничего болѣе. Тѣ видѣнія и чувства, которыя возникали въ немъ по поводу извѣстныхъ лицъ или событій, и составляли содержаніе его поэзіи, обыкновенно вовсе не связывались съ этими лицами и событіями въ его текущей жизни, и онъ нисколько не тяготился такою безсвязностью, такою непроходимую пропастью между поэзіей и житейскою практикой.

Дѣйствительность, данная въ житейскомъ опытѣ, несомнѣнно находится въ глубокомъ противорѣчій съ тѣмъ идеаломъ жизни, который открывается вѣрѣ, философскому умозрѣнію и творческому вдохновенію. Изъ этого противорѣчія возможны три опредѣленные исхода. Можно прямо отречься отъ идеала, какъ отъ пустого вымысла и обмана, и признать фактъ, противорѣчащій идеальнымъ требованіямъ, какъ *окончательную и единственную дѣйствительность*. Это есть исходъ нравственного скептицизма и мизантропіи—